

**Социальная сфера как пространство и горизонт «существующего»:
когнитивный аспект воспроизводства социальнодействительного**

Действительность как субъект-объектное отношение восприятия.

Актуализация конструкта «действительность» в дискурсе разрабатываемого в данном контексте подхода характеризует параметры онтологических представлений исследователя, позволяя соотносить их с доминирующими теоретико-методологическими перспективами концептуализации общественной жизни. Так, объективистский подход к интерпретации «действительности», характерный для классической модели обществознания, идеалы которой формируются в европейской науке XVII-XIX веков, определяет ее как мир, существующий «вне головы познающего субъекта» (то есть независимо от человека), имеющий собственную структуру, а также законы, принципы, механизмы функционирования, которые постигаются человеком в ходе эволюции научного знания. Основным в данном случае является то, что действительность рассматривается как нечто внешнее и безотносительное к человеческому сознанию и тем способам, посредством которых социальный субъект постигает окружающий его мир.

Данный подход и соответствующая ему онтологическая модель изучаемого предмета во многих отношениях воспроизводится также и в современной науке. Однако проявляющаяся в последние десятилетия тенденция ориентации социального познания на «постклассический» идеал научной рациональности [См., напр.: Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии: Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX-XXI веков. М., 2000; Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социол. исслед. 1995. № 11; Стёпин В.С. Теоретическое знание: Структура и историческая эволюция. М., 2000] ведет к постепенному изменению моделей интерпретации «действительности» как онтологической категории. При этом наиболее ярко данная тенденция проявляется в неокантианстве и, особенно, феноменологии, где действительность трактуется через призму «интенциональности» как свойства сознания, что определяет ее, если использовать терминологию Канта, как «мир феноменов», существующих в качестве производной от человеческого сознания, доступной восприятию (на соответствующем этапе развития) части «внешнего» мира («мир ноуменов»). В данном контексте интерпретация действительности продуцирует наиболее близкую к этимологии рассматриваемого конструкта семантическую конфигурацию. «Действительность» в подобном случае есть нечто действительное для индивида, являющееся продуктом (результатом) динамической связи между субъектом и объектом его восприятия.

В этом смысле, действительность есть онтологическое образование, имеющее статус «феномена», которое дано «чувственному» и «рассудочному» (конкретному и абстрактному или физическому и ментальному) восприятию социального субъекта в качестве существующего, то есть осознанного им «жизненного пространства» или «известного мироздания» [См., напр.: Келли Дж.А. Теория личности. СПб., 2000; Horkheimer M. Traditional and Critical Theory // Critical Sociology: Selected Readings. Harmondsworth, 1976. P. 206–224; Gadamer H.-G. The Historicity of Understanding // Critical Sociology: Selected Readings. Harmondsworth, 1976. P. 117–133]. Причем в качестве социального субъекта выступает как отдельная личность, так и социальная группа, государство или человеческая цивилизация в целом, что обуславливает множественность проекций «действительности», которые подлежат упорядочиванию на основе функциональной инфраструктуры общества с присущим ему нелинейным пространством коммуникации и субстанционально операционализирующей его содержание структурой социального знания, опыта.

Действительность в данной интерпретации есть субъект-объектное отношение восприятия социальным субъектом интегрирующего его онтологического пространства. А это означает, что исследователь, использующий подобную модель ее концептуализации не

отрицает мира, «объективно» существующего вне социального субъекта, следовательно, безотносительно к его сознанию и восприятию, но определяет его как переменную, не обладающую действительным для подобного субъекта значением (следовательно, модусом «существования»).

Социальная действительность как конвенционально признанное в качестве существующего пространство жизнедеятельности социальных субъектов.

«Действительность» как имеющее модус существования онтологическое пространство, которое является таковым в результате его идентификации в фокусе активного* восприятия соответствующим субъектом, не обязательно обладает социально значимым смыслом, то есть «действительность» и «социальная действительность», хотя и являются содержательно близкими категориями, не образуют отношения тождества, даже если принять во внимание то, что последняя из них соотносится с целостностью онтологического пространства, выступающего в качестве «действительного» контекста существования современного человеческого сообщества.

Жизненный мир** индивида, определяемый им в качестве действительности и жизненное пространство сообщества, выступающее в качестве социальной реальности обладают различным онтологическим статусом, что является предпосылкой для постановки вопроса о параметрах дифференциации подобных «реальностей», каждая из которых претендует на «объективность», но при этом, как правило, отличается от другой.

В рамках классической науки ответ на данный вопрос является вполне однозначным и указывает на то, что индивид, «определяя» действительность, воспроизводит свои представления о ней, которые могут быть адекватными или ложными (в определенной степени), но при этом всегда являются только отражением объективно существующей реальности***, которое подвержено воздействию субъективных факторов, как правило, искажающих конфигурацию воспринимаемого объекта [См.: Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т.1. М., 1977; Декарт Р. Разыскание истины. СПб., 2000]. При этом социальная общность, сообщество людей придерживается институционализированной модели интерпретации окружающей действительности, которая на современном этапе исторического развития определяется посредством актуальных параметров научной картины мира, в то время как научность последней наделяет соответствующую онтологическую модель статусом объективной реальности, посредством чего становится возможным противопоставление «индивидуальных» представлений о мире и институционально проявленных в структуре социального знания характеристик объективной действительности, которая существует «вне головы познающего субъекта» и является основой для формирования индивидуальных представлений об окружающем его мире.

В то же время постклассическая научная рациональность позволяет определять подобный подход позитивистского обществознания как эпистемологически устаревшую концепцию «наивного реализма» [See: Benton T. Philosophical Foundations of the Three Sociologies. London, 1977]. В формате эпистемологической актуализации постклассических стратегий научного познания проблема дифференциации, с одной стороны, институционально проявленных, то есть признанных и используемых в современном обществе (в виде структурообразующих социокультурных кодов), и, с другой стороны, индивидуальных, не объективированных в структуре социального знания интерпретаций действительности не имеет однозначного решения в форме противопоставления

* Наделяющего внешние объекты значимым для субъекта смыслом, на основе и посредством которого личность или сообщество строит стратегию собственной жизнедеятельности.

** Термин «жизненный мир» используется в данном контексте в смысле, которым наделяет данный конструкт А.Шюц [См.: Шюц А. Избранное: Мир светящийся смыслом. М., 2004].

*** Термины «реальность» и «действительность» используются в данном контексте в качестве синонимов.

субъективных представлений и основанных на научном знании данных об «объективном состоянии дел», выраженных в институционально закрепленных в обществе (и спроецированных в различных социокультурных контекстах с соответствующим им коэффициентом «искажения») моделях интерпретации и, следовательно, формах идентификации онтологического пространства, осознанного социальным сообществом в качестве актуального универсума.

Постклассическая наука использует в качестве одного из своих эпистемологических постулатов идею историчности научного знания [См., напр.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2002. С. 268; Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания (гносеологический аспект). М., 1986. С. 3-5], принципы надежности, объективности, валидности которого, также как и критерии, методы достижения данных параметров, находятся в процессе постоянной теоретико-методологической эволюции, и в определенные периоды весьма значительно и быстро преобразуются в силу изменения (или смены) основополагающей парадигмы научного знания. Следствием этого является изменение доминирующих моделей интерпретации действительности и, в результате, институционально признанных в структуре социального знания представлений о природе и особенностях социокультурной и физической среды «обитания» человека, свойства и признаки которой институционально упорядочиваются в виде научной картины мира.

Логическим следствием операционализации данного постулата является признание конвенциональности и социокультурной обусловленности научного знания, а также формируемой в нем научной картины мира, которая проявляется в виде соответствующих ее проецированию в разных социокультурных контекстах моделей идентификации онтологического пространства*. При этом констатация (постулирование) социокультурной обусловленности институционализированных онтологических моделей социально действительного не просто признается в качестве научно приемлемого гносеологического параметра, но ведет к определению структурированного на основе подобных моделей социального знания как качественно равнозначного индивидуальному знанию субъекта о его жизненном мире, который трактуется индивидом как пространство его жизнедеятельности [См.: Келли Дж.А. Теория личности. СПб., 2000. С. 11-31].

Однако это не отменяет различий в онтологическом статусе так называемой «индивидуальной» и социальной действительности и, в конечном счете, различия между индивидуальным знанием и опытом конкретного человека, с одной стороны, и социальным знанием и опытом социального субъекта, с другой стороны (включая все уровни конституирования социальной субъектности, начиная от личности и заканчивая государством и человеческой цивилизацией в целом). Подобные различия определяются, конечно, не тем, что одно рассматривается как представления, а другое как реально существующий объект рассмотрения, восприятия, а тем, что социальное значение индивидуального восприятия и идентификации действительного, с одной стороны, и воспроизводимого в обществе знания о действительности, которое достигнуто и постоянно развивается как производная от множества функционально обусловленных необходимостью развития социальной сферы коммуникативных конвенций, с другой стороны, является принципиально различным и, следовательно, по разному влияет на процессы функционирования и развития общества.

* Критическая проработка данной идеи с позиций классического идеала рациональности ведет к обоснованию тезиса о произвольности научного знания и, соответственно, парадоксу его «ненаучности», что формирует обоснованное неприятие и отказ от релятивизма в научном познании, объясняя, почему в течение многих десятилетий сформированные еще в XIX–начале XX веков принципы постклассического познания были практически невостребованными в науках об обществе. В этих условиях лишь очевидная несостоятельность классической методологии, проявляющаяся в современной науке, создает возможность осмысливать категории и принципы постклассической научной рациональности исходя из ее собственных эпистемологических и онтологических оснований, тем самым, преодолевая парадокс «ненаучности» и открывая новые перспективы общественнонаучного знания.

Отсюда, действительность есть обладающее модусом существования онтологическое пространство жизнедеятельности социального субъекта, проявляющееся в качестве субъект-объектного отношения восприятия им окружающего мира, то есть существующее в перспективе актуализации интенциональности человеческого сознания, свойства которого на соответствующем этапе его исторического развития обуславливают актуальную онтологическую систему координат. Параметры последней конституируются в качестве **социальной** действительности (производной по отношению к исходным параметрам восприятия и в то же время обуславливающей их формирование и развитие) в результате конвенционального признания сообществом адекватности обусловленных социокультурным контекстом параметров и способов восприятия и, следовательно, «выстраивания» данной системы координат. Причем на современном этапе развития общества подобного рода «конвенции» достигаются как следствие функционирования определенных институционально зафиксированных механизмов и подструктур общества, работа которых направлена на формирование и распространение социального знания в виде продуктов цивилизации. Следствием этого является концептуализация когнитивного аспекта социальной действительности как системы параметров, выраженных в научной картине мира и «отображающихся» в социальном знании в виде основы для ориентации социальных субъектов в актуальном пространстве их жизнедеятельности.

Обусловленность онтологической конфигурации «социально действительного» институционально заданными моделями воспроизводства социального опыта.

На данном этапе имеет смысл ввести в дискурс осуществляемого исследования термин «социальная сфера», использование которого представляется целесообразным в данном контексте. «Социальная сфера» - это составной терминологический конструкт, который не имеет однозначной трактовки в современном обществознании. Его семантика образована свойствами и признаками номинативных компонентов «сфера» и «социальный».

Даль в «Толковом словаре великорусского языка» дает следующее определение «сферы»: «...сфера (от греч. *sphaîra* – шар) – шарообразное тело или пустота, или изображение его на бумаге ... |Сфера, атмосфера, расстояние околицы какого-либо тела, простор, на который сходят силы, влияние, или связь этого тела, круг действия...| Вообще, известный, чем-либо ограниченный простор духа...» [Сфера // *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 368]. Схожее определение предлагается в словаре С.Н. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Сфера, -ы, ж. 1. Область, пределы распространения чего-н. ... 2. Среда, общественное окружение... 3. Замкнутая поверхность, все точки которой равноудалены от центра; поверхность и внутреннее пространство шара ...» [Сфера // *Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 771]. Отсюда, основными признаками «сферы» являются ее шарообразность, пространственность и размерность. Причем «шарообразность» характеризует сбалансированность структуры, «пространственность» означает упорядоченность последней в виде некоторой системы координат, а «размерность» предполагает существование критериев идентификации, которые определяют конфигурацию и пределы проявленности сферы как онтологического образования.

Поскольку в данном контексте речь идет о «социальной сфере», названные критерии актуализируются в качестве свойств и признаков «социального», которые опосредуют конфигурацию данного онтологического образования в качестве определенным образом структурированной системы координат.

«Социальное» как синоним «общественного» есть наполненное антропологическим содержанием свойство «объективной действительности». Это атрибут онтологического пространства, который характеризует его как субстрат исторически освоенных параметров воспроизводства и развития человечества.

Субстрат социального (общество) проявляется только на определенном этапе эволюции «*homo sapiens*», то есть «человека разумного» как биологического вида, что связано с процессами формирования и развития человеческого сознания и определяет

последнее в качестве основного, исходного критерия «социальности», вне которого категория освоения (или освоенности) окружающего мира лишается всякого смысла, превращая социальное взаимодействие индивидов в биологическое сосуществование особей «*homo sapiens*» [Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 243].

Следовательно, при интерпретации «социальной сферы» как термина, составленного определенным образом структурированными семантическими параметрами номинативных компонентов «сфера» и «социальный», семантика данного лингвистического конструкта проявляется в виде конфигурации свойств и признаков, которая выстраивается на основе постулирования «сознания» как исходного критерия идентификации «социального» и, соответственно, онтологического параметра «сферы» как качественно обусловленной «социальностью» пространственной единицы и системы координат.

В то же время названные семантические параметры данного лингвистического конструкта («социальная сфера») еще не являются достаточными для его проявления в качестве научного термина, поскольку и «сознание» как критерий идентификации «социальной сферы», и выстраивающиеся на его основе (в определенную конфигурацию) свойства и признаки фиксируются в качестве устойчивой семантической структуры термина только в формате некоторого эпистемологического контекста, который в данном случае соответствует определенному теоретико-методологическому подходу. А это параметры, актуализация которых требует обратиться к этимологическому анализу «социальной сферы», тем самым, идентифицировав ее в качестве элемента одной из терминологических подструктур социально-гуманитарного знания.

«Социальная сфера» определяется в общественном знании как, во-первых, одна из сфер человеческой жизнедеятельности, существующая наряду с экономической, политической и другими сферами общественной жизни (сферный подход, определяющий узкое значение конструкта «социальная сфера»); и, во-вторых, пространство человеческой жизнедеятельности. В последнем случае эквивалентами «социальной сферы» являются трактуемые в широком смысле «социальная действительность», «социальная реальность», «социальное пространство», «общество».

Контекст данной работы актуализирует вторую из названных концептуальных альтернатив, а именно, интерпретацию «социальной сферы» как пространства человеческой жизнедеятельности*. Эта интерпретативная модель, в свою очередь, имеет потенциал применимости в контексте различных научных подходов, каждый из которых продуцирует характерную именно для него трактовку названного конструкта. При этом уместным представляется выделение двух основных классов возможных интерпретаций «социальной сферы», которые соответствуют параметрам классического и постклассического идеалов научной рациональности [Медведев В.А. Концептуальное пространство социологии в формате неклассической модели рациональности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII. № 3 (32). С. 5-21]. В данном случае, социальная сфера, с одной стороны, рассматривается как антитеза природного, естественного мира, который, таким образом, не является социальным, а, с другой стороны, она трактуется как сфера действительного, когда все «признанное» в качестве существующего определяется в виде совокупности взаимосвязанных элементов ее онтологической конфигурации.

При этом содержанием исследования, отдельные результаты которого проявлены в данной работе, является конструирование абстрактно-логической модели, теоретико-методологические параметры которой характеризуют ее в качестве субстрата постклассического подхода, основанного на неокантианских онтологических представлениях. Отсюда, «социальная сфера» определяется как освоенное человечеством пространство существования и развития, что, в свою очередь, означает, во-первых, идентифицированность его параметров в качестве «объективно действительных» и, во-

* «Пространство трактуется в данном случае как многомерная система координат, которая в отличии от «геометрического пространства» включает в себя также и время как одно из образующих его измерений.

вторых, их функционально-атрибутивную проявленность в виде условий и содержания человеческой жизнедеятельности.

Целесообразность обращения к данной интерпретации термина «социальная сфера» определяется тем, что, работая с социальным **«пространством»**, **«действительностью»**, **«реальностью»** (в отличие от ситуации со «сферой»), исследователь изначально оказывается внутри соответствующей системы координат, что задаёт детерминированный подобными «координатами» масштаб концептуализации. В подобном случае предмет рассмотрения трактуется, скорее, как контекст, в пределах которого осуществляется анализ содержания «социальной предметности», тогда как абстракция «социального», его качественной обусловленности остается вне пределов исследовательского фокуса. При этом в отдельных ситуациях теоретического исследования необходимо абстрагирование и рассмотрение социальной действительности как инфраструктуры, выступающей, скорее, в качестве объекта, нежели контекста теоретического анализа. В этом смысле, «социальная сфера» является конструктом, который дает исследователю больший спектр эпистемологических возможностей, так как этимология данного термина порождает «пространственные» и качественные ассоциативные связи, которые образуют семантический подтекст, позволяющий трактовать данный конструкт и в качестве интегрирующего пространства (среды, контекста), и в виде локальной (интегрированной) системы, инфраструктуры, то есть объекта, ограниченного собственной конфигурацией. Семантика термина «социальная сфера» ценна с точки зрения заложенных в ней ассоциаций **пространственности**, следовательно, многомерности предмета, а также его **ограниченности**, отсюда, проявленности на основе определенных критериев идентификации «социального».

Социальная сфера онтологически позиционируется в качестве таковой в силу осознания человеческим сообществом пределов, условий и содержания собственной жизнедеятельности. А это предполагает существование исторически преобразующихся когнитивных предпосылок актуализации «социально действительного» с проявленной на их основе конфигурацией социального знания, которое, в свою очередь, опосредует трансляцию, воспроизводство и развитие конституирующей жизнедеятельность сообщества социального опыта.

Подобные «предпосылки» являются структурообразующими параметрами соответствующей (этапу исторического развития и контексту рассмотрения) картины мира, которая опосредует особенности восприятия, формы и способы взаимодействия и, следовательно, конфигурацию социальных процессов и явлений общественной жизни, будучи в то же время актуализированной на основе модели воспроизводства и преобразования ее содержания, проявляющейся на современном этапе развития в виде обусловленности представлений об «объективно действительном»^{*} подтверждением (признанием) факта существования соответствующих референтов «легитимирующим» авторитетом научного знания.

Причем процесс подобной «легитимации» сопоставим, к примеру, с гегелевской концепцией «движения» Абсолютного Духа (Понятия), в которой объективация Понятия есть непрерывный процесс отображения «ноуменов» в качестве составляющих феноменальной реальности. При этом Гегель говорит, именно, об «отображении», которое не тождественно кантовскому «отражению» (или проекции) ноуменов в пространстве человеческой апперцепции. Различие заключается в том, что модель «проецирования» не меняет онтологического горизонта «возможного опыта», тогда как «объективация Понятия» есть процесс развития человеческой цивилизации, в ходе которого происходит расширение и постепенное качественное преобразование онтологической перспективы перцепции, что

^{*} В данном контексте аргументации «объективно действительное» есть действительное в социальном смысле этого слова, что позволяет характеризовать конвенционально идентифицированные сообществом параметры в качестве свойств и признаков онтологического пространства, определяемого в терминах «социальная действительность», «социальная реальность» и пр.

становится доступным для концептуализации благодаря последовательному развитию внеэмпиристской (рационалистской) интерпретации сферы возможного опыта, следовательно, социальной действительности. А это тезис об обусловленности предметного содержания социальной сферы параметрами научной картины мира, актуализированной на соответствующем этапе исторического процесса.*

Однако данному тезису противостоит утверждение о социокультурной гетерогенности социального пространства, что предполагает множественность трактовок «действительного» и, следовательно, сосуществование различных «картин» социального мира. В этом случае необходимо отметить, что под «научной картиной мира» понимается теоретическая, мировоззренческая модель, которая полностью не редуцируется ни к одной отдельно взятой концептуализации онтологического пространства. В данном контексте актуальной является модель идеального типа Вебера, которая постулирует отсутствие тождества между абстрактно-логической структурой идеального типа и факторной либо содержательной структурой концептуализируемого предмета. Хотя в данном случае веберовская эпистемологическая конструкция применяется не только в формате сопоставления теории и эмпирии, но также при соотнесении теории и метатеории, для последней из которых первая является тем же эмпирическим материалом.

Получается, что в некоторый момент рассмотрения социальной сферы ее содержательное отображение посредством научного знания (в его неотъемлемой взаимосвязи с множеством проявлений этого содержания в институционально ненаучном пространстве социального опыта, частью которого также является и научное знание) осуществляется относительно доминирующего образа социального мира, концептуализируемого в понятийной модели, контекстуальная трактовка которой имеет эпистемологический статус, эквивалентный идеальному типу Вебера. Произвести исчерпывающую операционализацию подобного «образа» невозможно, во-первых, поскольку всякая теоретически или эмпирически операционализированная трактовка рассматриваемого предмета по необходимости является обусловленной контекстом концептуализации, который сосуществует с множеством других позиций интерпретации, во-вторых, в силу того обстоятельства, что степень сложности социальной действительности не позволяет найти абсолютную равнодействующую даже эксплицитно выраженных трактовок социального мира, не говоря уже о заданных подобными экспликациями и имплицитно присутствующих в социальных практиках, восприятии индивидов «вариациях социальной реальности». Однако это не означает, что идеальная модель «научной картины мира» не имеет онтологических оснований, которые позволяют фиксировать внеэмпирическую сводимость к ней конкретных эмпирических проявлений.

Социальная сфера обладает целостностью коммуникативной инфраструктуры, которая является семиотическим (субстанционально и деятельностно-процессуально) эквивалентом ее «предметного» содержания, выраженного в качестве многоуровневой структуры продуктов цивилизации. Каждый из этих продуктов цивилизации имеет, если следовать, например, логике Э. Дюркгейма, онтологический статус социального факта. Коммуникативная структурированность социальной реальности предполагает сложную взаимозависимость представлений об «устройстве», содержании, особенностях социального мира. В свою очередь, всякая взаимозависимость как форма онтологической связи объектов содержит потенциал допустимости ее истолкования в терминах упорядоченности, структурности, делая уместным утверждение, согласно которому N-ное количество существующих в определенный момент рассмотрения интерпретаций социальной действительности сводимо через множество опосредующих фрагментов, связей к некоторой «равнодействующей» модели социального мира, которая является продуктом цивилизации,

* Подобная обусловленность проявляется, во-первых, в когнитивном конституировании социально действительного как идентифицированного в качестве такового и, во-вторых, в обусловленности процессов функционирования и развития общества моделями идентификации онтологического пространства.

сформированным на данном этапе развития человеческого сообщества и находящимся в процессе перманентного преобразования, развития, изменения.

Здесь уже уместно говорить о структурной целостности «социальной сферы», параметры которой содержательно соотносятся с «картиной социального мира» и, в конечном счете, картиной мира как такового, поскольку, согласно предложенной в данном контексте трактовке модели дифференциации онтологического пространства на «мир вещей в себе» (ноуменов) и «мир вещей для себя» (феноменов), доступная человеческому восприятию действительность имеет социально обусловленный характер, делая само восприятие (и его результаты) продуктом цивилизации и, следовательно, одной из составляющих социальной реальности.

Постулирование сопоставимости «социальной сферы» и «картины мира» содержит в себе эпистемологическую установку на рассмотрение «социальности» как феномена, не имеющего бытия вне его перманентной, неотъемлемой связи с параметрами человеческого сознания [Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999]. Отсюда, возникает вопрос, уместно ли трактовать естественный мир как содержательную составляющую социальной действительности. И, нет ли здесь редуцирования общего к частному? Можно ли утверждать, что «далекие звезды на небосводе» являются составляющими социальной сферы уже в силу их доступности восприятию социальных субъектов?

Кант, чьи идеи весьма актуальны в данном контексте, отмечает, что мир явлений это не мир сам по себе, который существует «вне головы» познающего, созерцающего субъекта, но продукт человеческого осознания. Далее, Вебер, развивая неокантианскую традицию в социальном познании*, указывает на то, что модели восприятия и интерпретации действительности при всем их разнообразии структурируются в некотором социокультурном пространстве на основе «отнесения» данных индивидуального восприятия «к ценности», которая есть социокультурный конструкт. При этом, «ценность», по Веберу, не является строго аксиологическим образованием. Он акцентирует в данном контексте скорее функциональное, чем нравственно-оценочное содержание характеризуемого явления, актуализируя его в качестве мировоззренческого параметра, позволяющего сориентировать восприятие окружающей действительности в соответствии с системой координат некоторого социокультурного (следовательно, исторического) контекста. В этой методологической перспективе «естественный мир» сам по себе не является социальным и обретает социальное содержание, смысл в результате его отражения в социальном опыте человечества, что как момент восприятия и актуализации в жизнедеятельности социальных субъектов осуществляется посредством «отнесения к ценности».

Всякое знание о мире является социальным, структурируется относительно определенной «картины мира» и актуализируется в социальном пространстве в виде многомерной конфигурации социокультурного содержания общественной жизни [См.: Шелер М. Социология знания // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 1. С. 357], то есть множества когнитивных, аксиологических и праксеологических параметров жизнедеятельности. Рассматривая современный этап развития, уместно говорить о научной детерминации представлений человека об окружающем его мире**, что позволяет строить иерархию, так называемых, картин мира, следовательно, иерархию образцов социального знания, опыта – структуру формирования, воспроизводства и трансляции знания в социальном пространстве, в которой повседневные представления и различные «социальные

* Стоит отметить, что М.Вебер, развивая неокантианскую методологию, в то же время не является «неокантианцем» в традиционном смысле этого слова.

** Данное замечание имеет смысл, поскольку в человеческой истории существовали эпохи, когда соответствующие представления о мире зависели, главным образом, от религиозных догматов или мифологической картины мира, тогда как в современности эти каузальные векторы, хотя и сохраняются, но уступают в степени влияния научному знанию.

мифы», в конечном счете, опосредованы сформированными в научной сфере системами онтологических представлений.

Для того чтобы конкретизировать подобную теоретическую модель, имеет смысл несколько подробнее рассмотреть концепцию «отнесения к ценности» М. Вебера, рассматривающего социальную сферу как пространство взаимодействия смыслов, но при этом не сводящего действительность исключительно к субстанции смысловых форм. Он отмечает, что общество есть «культурная реальность», имеющая заданную параметрами человеческого сознания степень упорядоченности, которая субстантивирована в виде структуры социальных связей, отношений, субъектов их актуализации, а также предметных и невещественных атрибутов взаимодействия. В то же время социальная сфера*, по Веберу, не имеет абсолютных детерминант структурирования, будучи динамичным образованием, параметры которого, включая глубинные основания, находятся в процессе перманентного исторического развития. Концептуализируя данное положение, ученый обращается (вслед за Риккертом) к категории «ценность», расширяя ее трактовку применительно к эпистемологическому контексту формирования концепта «онтологической предпосылки» как идеального типа, позволяющего концептуализировать «значимые основания» социального действия**.

По мнению Вебера, социальная сфера есть онтологическое пространство, проявленное на основе жизнедеятельности обладающих сознанием социальных субъектов, что, будучи основным, структурообразующим свойством социальной действительности, требует уделять особое внимание социокультурному содержанию процессов функционирования и развития общества. А это в интерпретации Вебера означает, что «детерминантами» общественного устройства являются «значимые основания», относительно которых социальные субъекты идентифицируют субстрат своей жизнедеятельности, наделяют смыслом действительность и вырабатывают адекватные формы и способы самореализации в исторически и культурно заданном контексте взаимодействия. Так, Вебер прослеживает процесс изменения «ценности», выступающей в качестве комплексной доминанты социальной активности европейских народов в определенную историческую эпоху [*Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 61-273*], показывая то, каким образом догматизированные ценности католичества преобразуются в деятельностно-трудовые ценности протестантизма, что меняет приоритеты в восприятии субъектом собственной жизнедеятельности и формирует «значимое основание» эпохи, которое Маркс концептуализирует (по мнению Вебера, ошибочно [Там же. С. 365-369]) в качестве абсолютной детерминанты общественного развития и, следовательно, превалирующего критерия идентификации социальной сферы (то есть общества как такового).

Вебер отмечает, что социальная сфера имеет внутренне дифференцированную конфигурацию. Существуют различные типы общества, которые даже при условии их взаимодействия исходят из разных критериев интерпретации социальных процессов, явлений, следовательно, оснований актуализации своих социальных практик, которые обретают значение, характерное для определенного социокультурного контекста. При этом тип общества проявляет собой социокультурный макроконтекст, обладающий единством «значимых оснований», которые, образуя общую смысловую систему координат соответствующего социального образования (нация, государство или их совокупность), в свою очередь, преломляются (в другом масштабе конституирования) в виде множества различных социокультурных контекстов, составляющих конфигурацию подобной социальной системы. Наконец, каждое интегрированное в рамках определенного типа

* Стоит отметить, что, говоря о референте, который в контексте данной работы обозначается термином «социальная сфера», М. Вебер использует другие лексические конструкторы.

** Сам Вебер не использует термин «значимое основание», однако в контексте данной работы употребление этого термина как эквивалента веберовской «ценности» является целесообразным, поскольку этот конструкт не имеет аксиологических коннотаций, проявление которых зачастую является нежелательным.

общества социальное образование, по-своему «отражая» значимые основания социокультурного структурирования жизнедеятельности социальных субъектов (личности, общности людей) в данном типе общества, также обладает гетерогенностью своих составляющих (типы личности), что предполагает неоднозначность интерпретации «значимых оснований» сообщества каждым его конкретным представителем [Ср.: Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987. С. 14, 30-32, 34]. И более того, Вебер отмечает, что значимые основания (ценности) обладают фиксированным содержанием только на уровне типичности их проявления, тогда как контекстуально образуемые на их основе смыслы конкретных поведенческих актов тех или иных социальных субъектов находятся в динамике постоянного изменения, что проявляется в качестве «пульсирующих» myriad смысловых проявлений социокультурного содержания определенного общества, совокупность которых образует конфигурацию человеческой цивилизации на соответствующем этапе ее развития*.

Подобная интерпретация социальной сферы позволяет понять тезис Вебера о недостижимости исчерпывающей концептуализации общественной жизни, в которой абстрактное вступает в отношение тождества с параметрами конкретного, что в то же время не является антисциентистской позицией, поскольку Вебер не отрицает познаваемости социальной действительности, настаивая на идее контекстуальности социологического познания, но переосмысливает и развивает сциентистские основания познавательного процесса [Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 369; Ионов И.Н. Теория цивилизаций и неклассическое знание (социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // ОНС. 2004. № 5. С. 150,152].

В отношении тезиса о многогранности, сложности общественной жизни позиция М.Вебера соприкасается с трактовкой данного вопроса Э.В. Ильенковым, хотя для решения проблемы познаваемости подобного вариативного многообразия данные исследователи избирают принципиально различные эпистемологические пути. Так, Вебер обращается к «неокантианской» перспективе, согласно которой субстрат изучаемого предмета и его концептуализация являются несводимыми друг к другу онтологическими образованиями, тогда как Ильенков придерживается, скорее, гегельянской (непосредственно проявленной в «истматовской», марксистской традиции) идеи о перманентной сводимости противоположностей в процессе совершенствования эпистемологического ресурса, о сопоставимости теории и эмпирии (абстрактного и конкретного) на уровне контекстуального тождества [Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 335, 362-363, 374-375].

Ученый, по Веберу, обращается к изучению социальных явлений, процессов, концептуализируя их с точки зрения позиционирования относительно определенных закономерностей и тенденций, которые исторически и контекстуально вариативны, но при этом сравнительно неизменны в рамках «качественно однородных» (эпоха) этапов общественного развития [Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 369-374; 377-380]. Существование подобных тенденций, закономерностей есть следствие актуализации на соответствующих этапах определенных «значимых оснований» конституирования общественной жизни, обуславливающих проявление некоторых векторов социальной активности, ее консолидации относительно социокультурных детерминант, идентифицированных сообществом в качестве принципов и условий жизнедеятельности социальных субъектов, функционирования и развития общества. При этом принципиальное значение здесь имеет то, что подобные основания есть продукт конвенционального признания, идентификации их сообществом, с одной стороны, и индивидуального восприятия (а это предполагает их проекцию на полотно личного восприятия, интерпретации последних социальным субъектом, что неизбежно преобразует соответствующие

* Речь идет об «этапе» развития социальной сферы, поскольку типы общества также меняются. Одни из них исчезают, другие появляются, третьи определенным образом преобразуются.

характеристики и порождает их персонифицированное прочтение, осознание) конкретной личностью – с другой.

Получается, что, **во-первых**, атрибутивное содержание социальной сферы постоянно меняется, погружая теорию в контекст динамичной, развивающейся реальности, которая является таковой даже при условии, что речь идет пока только о ее предметной «конфигурации»*. **Во-вторых**, социальное взаимодействие, опосредованное неотъемлемой связью с атрибутами его осуществления, в значительной мере зависит от параметров волонтаристской включенности социальных субъектов в структуру соответствующих процессов, что непосредственно связано с восприятием личностью себя и контекста собственной интеграции в социальном пространстве (подобный контекст образуется материальными, социокультурными и праксеологическими параметрами) и определяется «значимыми основаниями» («ценности») актуализации социокультурной позиции личности. При этом последние не являются инвариантами и выступают в качестве проекции ценностных оснований макроконтекста, которая опосредована совокупностью «преломлений» через призму уровней социальной инфраструктуры, определяющих интеграцию личности в социальном пространстве. Эта проекция отображается в формате социокультурной позиции личности не как простое «отражение» исходных параметров, а как фокус векторов их проецирования, сходящихся в точке аккумуляции социокультурных воздействий, которая как раз и образует субъектность конкретного индивида. Изменение параметров «проецирования» непосредственно влияет на социокультурную позицию личности, в то время как сама модель «проецирования» предполагает постоянное изменение подобных параметров, вариативность которых еще более усиливается контекстуальностью индивидуальных «интерпретаций»** ценностных референтов, когда контекстуально вариативным оказывается не только «проецируемое содержание», но и «полотно», на котором оно проявляется. При этом параметры самореализации социального субъекта зависят от взаимодействия атрибутов социальной активности и определяющих смысловую актуализацию последних «значимых оснований» идентификации социальной действительности. В результате, как атрибутивная конфигурация контекстов социального взаимодействия, так и основания восприятия подобных контекстов в качестве обусловленных определенным, значимым для субъектов смыслом оказываются включенными в процессе перманентного изменения (интенсивность подобного изменения, его явный или латентный характер выступают в качестве вариативных характеристик). А это требует преобразования представлений о содержании общественной жизни, которое «становится» не просто динамичным субстратом в рамках константной закономерной структуры, но конфигурацией постоянно движущейся субстанции, которая не просто меняется, преобразуется, но пульсирует многогранностью своих изменений.

Далее, имеет смысл подчеркнуть, что «атрибуты» и «значимые основания» находятся в сложной взаимообуславливающей зависимости, когда (1) изменение материальной культуры, которая составляет значительную часть атрибутивного содержания социального взаимодействия (наряду с его нормативно-правовыми регуляторами и пр.) влияет на

* В то же время социальная сфера – это не только и не столько атрибуты социального взаимодействия, сколько само это взаимодействие – совокупность составляющих общественную жизнь социальных практик, поведенческих актов, отношений между людьми и социальными общностями. И хотя, как таковое, подобное взаимодействие неотделимо от своих атрибутов, введение указанного различия является аналитической процедурой, позволяющей определить характер приоритетности и особенности составляющих изучаемый предмет «компонентов».

** В данном случае «интерпретация» не обязательно опосредуется теоретическим осмыслением, предполагая доксистическую включенность «ценностных референтов» в структуру осознания индивидом параметров онтологического пространства, что достаточно подробно разрабатывается, например, Э. Гидденсом в контексте дифференциации «практического и дискурсивного сознания», а также П. Бурдьё в его концепции «габитуса» [См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003; Бурдьё П. Начала. М., 1994].

структуру «значимых оснований» как на уровне социальных субъектов (путем воздействия на «систему проецирования»), так и на уровне «ценностного» конституирования социокультурной конфигурации (вплоть до социальной сферы в целом); а (2) изменение «значимых оснований» ведет к тому, что меняется содержание, образованное множеством проявленных атрибутов. Здесь стоит отметить, что формулировка «атрибутивное содержание» характеризует сугубо относительные параметры: множество сопутствующих социальному взаимодействию атрибутов обладает содержанием лишь в силу их соотнесенности с теми или иными социокультурными составляющими, следовательно, конституирующими их проявление «ценностями», которые, таким образом, являются критериями идентификации социально действительного, определяя характер и содержание взаимодействия социальных субъектов. При этом изменение подобных критериев («значимые основания») преобразует всю содержательную конфигурацию процессов функционирования и развития социальной сферы во всех онтологических масштабах их проявления (актуализации) даже при условии неизменности «материала» (атрибуты, социокультурные образцы), из которого формируется подобное содержание.

И все это характеризует онтологическое многообразие и динамичность многогранного проявления общественной жизни в конкретных ситуациях функционирования и развития социальной сферы – параметров, которые когнитивно конституируются в виде инфраструктуры социального знания и институционально воспроизводятся в социальном пространстве на основе концептуализирующей их научной картины мира, а также множества операционализирующих ее социокультурных проекций, интегрированных в социальном пространстве в качестве когнитивных оснований функционально упорядоченной коммуникативной инфраструктуры.

Итак, социальная сфера есть когнитивно и функционально упорядоченное пространство жизнедеятельности личности, воспроизводимое в качестве такового в силу его идентификации в виде действительного в рамках культуры данного (в диахронической перспективе) общества. Она обладает сложной инфраструктурой, которая (1) состоит из совокупности подсистем, обеспечивающих развитие познавательного процесса, формирование продуктов цивилизации, распространение знаний, социализацию индивидов, тиражирование продуктов цивилизации, а, следовательно, воспроизводство и преобразование социального опыта, и (2) выстраивается на основе определенных онтологических оснований, задающих пределы и содержание того, что признается в качестве объективной реальности, преобразуется в ходе освоения онтологического пространства и наполняется содержанием во взаимодействии социальных субъектов.